

УДК 342.41; 340.5

ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2022 г. И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила в редакцию 31.08.2020 г.

Аннотация. В статье сформулировано и обосновано методологическое понимание цифрового конституционализма. В ней рассматриваются теоретические основы конституционализма в цифровую эпоху, обсуждаются проблемы идентификации цифрового конституционализма, соотношение информационного общества и конституционализма в Российской Федерации, понятие и виды конституционных общественных инициатив, их значение и роль в условиях цифрового конституционализма. Раскрываются факторы влияния на конституционализм (цифровизация, глобализация, демократическое участие, противодействие либеральным и демократическим формам конституционной демократии). В статье используются методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительно-правового и комплексного анализа правовых актов, государственно-правовой практики, методы конституционного проектирования и юридической герменевтики для интерпретации нормативных основ и перспектив совершенствования российского конституционализма. Новизна исследования заключается в осмыслении природы цифрового конституционализма в отечественной и компаративной юриспруденции, в разработке теоретических основ делиберативных и императивных конституционных общественных инициатив.

Ключевые слова: цифровой конституционализм, информационное общество, конституционные общественные инициативы, конституционные цифровые права, конституционализация, цифровизация, глобализация, конституционная демократия.

Цитирование: Кравец И.А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19–33.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

DOI: 10.31857/S102694520018430-4

DIGITAL CONSTITUTIONALISM: METHODOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

© 2022 I. A. Kravets

Novosibirsk State University

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 31.08.2020

Abstract. The article discusses the problems of identifying digital and informational constitutionalism, the relationship between the informational society and constitutionalism in Russia, the concept of constitutional public initiatives, the nature of digital constitutional rights and digital rights in public law. The scientific work reveals the factors of influence on constitutionalism (digitalization, globalization, democratic participation,

opposition to liberal and democratic forms of constitutional democracy). The author used general and specific scientific methods, formal legal, specific historical, comparative legal and complex analysis of legal acts, state-legal practice, methods of constitutional design and legal hermeneutics for interpreting the normative foundations and prospects for improving Russian constitutionalism. Research novelty and conclusions: the nature of digital constitutionalism is a symbiosis of constitutional principles of government, constituent power and digital forms of their implementation, digital constitutionalism arises in domestic and international jurisprudence, the article develops the theoretical foundations of deliberative and imperative constitutional public initiatives.

Key words: digital constitutionalism, informational society, constitutional public initiatives, constitutional digital rights, constitutionalization, digitalization, globalization, constitutional democracy.

For citation: *Kravets, I.A. (2022). Digital constitutionalism: methodological and legal aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 19–33.*

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 A.

Цифровизация, право и конституция

Отечественная юриспруденция пополнилась новыми конституционными понятиями, содержание которых, впрочем, не очень точно определено: «цифровая конституция», «цифровые конституционные права», «цифровой конституционализм». Очевидно, что появляется и цифровое конституционное право не как самостоятельная отрасль правового регулирования, скорее в качестве цифровой формы работы конституционно-правовых институтов, конституционных прав, свобод, обязанностей личности, полномочий органов государства, местного самоуправления, их должностных лиц. Однако вопрос о правовой природе и характере правового образования, когда мы говорим о цифровом конституционализме и цифровом конституционном праве, находится в *поле непрекращающейся и открытой дискуссии*. Цифровые и информационные технологии используются в различных сферах публично-правового регулирования и работы публично-правовых институтов. Ученые-конституционалисты предлагают активнее использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере законотворчества, прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов, оценки их регулирующего воздействия, правового мониторинга¹. Несомненно, что эти вопросы могут приобретать конституционный характер (даже учредительный) при определенных обстоятельствах; они заслуживают включения в предметную область цифрового конституционализма.

В данной статье предпринят научный анализ существующих подходов и изложен авторский взгляд на цифровой конституционализм и взаимосвязанные с ним понятия; систематически излагаются и развиваются концептуальные основы

¹ См.: *Василевич Г.А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32.

цифрового конституционализма, намеченные ранее², раскрывается соотношение понятий «конституционализм» и «информационное общество», формулируются предметная область и «территория» цифрового конституционализма, исходя из активного участия конституционной юриспруденции в освоении и осмыслении информационно-цифрового пространства. При обращении к древним или средневековым правовым актам или первым конституциям мы видим их бумажный, папирусный вариант или иным образом зафиксированный текст. Эти прежние тексты во многих случаях переведены в цифровой формат (оцифрованы) с визуальными особенностями написанного текста; они являются правовыми и конституционными артефактами. Если текст отделяется от своей первоначальной бумажной формы, он теряет оригинальное графическое изображение, хотя и сохраняет свое содержание. Современные конституции и правовые акты сразу появляются в цифровой форме, и их «рукотворный» характер не имеет текстуально-графических особенностей; цифровизация как бы снимает «рукотворность» с текста конституций и правовых актов, делает их максимально анонимными произведениями юридического искусства (хотя и не всегда искусства).

Следовательно, современные конституции как нормативные системы и текстуальные документы уже переведены в цифровой формат, имеют электронные версии распространения и хранения как в официальных источниках информации (портал

² См.: *Кравец И.А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9; *Его же.* Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сб. докладов. М., 2019. С. 107–111.

правовой информации)³, так и в иных депозитариях, какими являются справочные, информационные системы «Гарант», «КонсультантПлюс» и др. Цифровые формы распространения и хранения правовых актов положили начало цифровизации права. Однако, когда речь идет о цифровом конституционализме, вряд ли цифровые формы правовых актов отражают представление о данном понятии, хотя без цифровых форм невозможно было бы говорить о цифровизации права и конституции. Цифровизация как процесс, полагают ученые, способствует трансформации права, выступает важнейшим фактором такой трансформации⁴. Цифровизация оказывает воздействие не только на способ хранения и распространения правовой информации (на принципах двоичного кода), но и меняет нормативные, институциональные и организационные требования к гарантиям реализации прав в цифровой среде, к самому каталогу прав и свобод, к способам выражения общественного мнения, учета способов и форм участия граждан в управлении делами государства, к формам прямой и обратной связи между теми, кто оказывает и потребляет государственные и муниципальные услуги. Этот перечень в условиях цифрового и информационного пространства всегда остается открытым для новаций и инноваций технического и правового характера.

XX столетие воспринимается как век конституционализма⁵, несмотря на две мировые войны, катаклизмы государственных режимов, ужасы человеческих потерь в концлагерях и на полях сражений, прежде всего потому, что конституционные идеи и принципы правления оказывались восприимчивыми к нуждам и чаяниям народов и целых континентов. Если это так, то XXI столетие претендует на то, чтобы стать *веком цифрового и информационного конституционализма*. Хотя у этой перспективы есть многообещающее начало, будущее пока точно не определено, т.к. цифровая среда может быть использована в различных целях государственными органами, в т.ч. и для «цифровой кабалы», а не «цифровой свободы». В значительной степени пока не определена и *территория цифрового конституционализма* с ее границами и бесконечными возможностями. Ныне идет трудный поиск территории и границ цифрового конституционализма, который подвергает переосмыслению

³ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

⁴ См.: Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.

⁵ Merhof K. Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>

традиционных представлений о конституционализме как о правовом явлении.

Не только право в целом (его публичное и частное воплощение), но и конституционализм подвергается цифровизации. Наряду с *конституционной идентичностью* появляется *цифровая идентичность*; обе идентичности образуют *симбиоз в цифровом конституционализме*. Понятие «идентичность» широко используется в современных исследованиях, как и для идентификации личности в различных публичных и частных контекстах. Идентификация цифрового конституционализма происходит на наших глазах, хотя точно не определены его признаки, как и само понятие «цифровой конституционализм». Идентичность цифрового конституционализма отличается как от конституционной идентичности, так и от цифровой идентичности. Цифровая идентичность исследуется в первую очередь с позиций ее правовой природы и роли в коммерческих сделках⁶. Исследователи отмечают, анализируя Закон Соединенного Королевства об удостоверениях личности (United Kingdom Identity Cards Act) и Билль об австралийских картах доступа (Australian Access Card Bill), что появляется «отдельная правовая концепция индивидуальной идентичности», которая включает «новую концепцию транзакционной идентичности». По мнению К. Салливан, «хотя концепция транзакционной идентичности, состоящая из определенного набора информации, использовалась в коммерческой практике в течение многих лет, ее присутствие в законодательстве, устанавливающем национальную схему идентификации, которая будет использоваться организациями государственного и частного секторов для ряда транзакций, подтверждает его появление в качестве отдельной правовой концепции»⁷. Цифровая идентичность – следствие широко используемой цифровой идентификации, которая применяется во многих секторах (банковском, торгово-коммерческом и др.) деятельности, на портале государственных услуг и др.

Обращаясь к понятию «цифровой конституционализм», очевидно, необходимо идентифицировать в «цифровом ключе» личность, которая будет использовать свои конституционные права или юридические процедуры участия в конституционной сфере. Следовательно, необходимо вводить понятие «цифровая идентификация личности в конституционных коммуникациях»; ныне цифровая идентификация личности в основном осуществляется (для использования избирательных прав, мобильный избиратель) через портал

⁶ См.: Sullivan C. Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011.

⁷ Ibid. P. 5, 6.

государственных услуг. Представляется важным иметь единое легальное (а не только доктринальное) понятие и технические средства для цифровой идентификации личности в конституционных коммуникациях. Размышления приводят нас к двум основным вариантам: 1) возможно создание специального портала конституционных коммуникаций и конституционных инициатив с цифровой идентификацией граждан; 2) портал государственных услуг может иметь специальную опцию о конституционных коммуникациях и конституционных инициативах. Оба варианта допустимы, в первом из них автономность работы портала соответствует целевым и техническим возможностям; во втором варианте аккумулируются на едином портале различные виды государственных услуг, в т.ч. в сфере конституционной коммуникации и конституционных инициатив.

Фактическое использование цифровой идентичности значительно шире в информационном и цифровом пространстве, чем то внимание, которое ей уделяется в научных исследованиях авторов. Конституционное право и конституционализм стали обращать внимание на цифровую идентичность личности и цифровизацию конституционно-правовых институтов сравнительно недавно. Цифровая идентичность предполагает создание виртуальной личности в сетевом пространстве. Такая личность становится идентификатором для входа в систему (user name, login), прозвище или псевдоним (nickname), заменитель имени человека (идентификационный номер), разные типы компьютерных программ, моделирующих личность и разумное поведение, собственно вымышленная личность (virtual character, virtual persona) или даже образ личности, как она воспринимается или моделируется другими⁸. Различные формы участия личности в процедурах реализации конституционных прав в цифровом и информационном пространстве выдвигают на первый план проблему создания единого идентификационного номера для каждого гражданина или единого портала (сегмента существующего портала государственных услуг) для целей идентификации и осуществления различных конституционных коммуникаций. Очевидно, мы должны говорить о понятии «цифровая конституционная идентификация личности».

Цифровая идентификация личности для целей реализации конституционных прав и свобод, конституционных инициатив в цифровом пространстве потенциально содержит угрозу тотального контроля за политико-правовыми проявлениями намерений и действиями граждан. Поэтому

⁸ См.: Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 58.

цифровой конституционализм предполагает значительное внимание нормативным и институциональным гарантиям реализации прав; он должен предусматривать специальные правовые и процедурные средства защиты граждан от тотального контроля за конституционным и политическим волеизъявлением.

Меняется ли конституционализм в цифровую эпоху и в информационном обществе?

Конституционализм как правовое явление находится под воздействием нескольких значимых факторов: 1) фактор цифровизации и создания баз Больших данных (англ. *Big Data*), влияющий на формирование цифровой идентичности; 2) фактор глобализации, в котором присутствуют разнонаправленные тенденции, влияющие на создание различных моделей конституционной идентичности, а также на выработку предложений по формированию глобальной конституционной идентичности; 3) фактор демократического участия в различных формах deliberативной демократии; 4) фактор авторитарного противодействия либеральным и демократическим формам конституционной демократии. Российский конституционализм в ходе осуществления конституционной реформы 2020 г.⁹ оказывается на перекрестке сразу четырех факторов.

Фактор цифровизации повлиял, хотя и в ограниченном масштабе, на разработку Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г., на его обсуждение в социальных сетях и через официальные каналы, на выбор удобного участка для общероссийского голосования. Однако *потенциал цифрового конституционализма* оказался в значительной степени не востребованным: не был создан специальный сайт конституционной реформы или конституционной модернизации, невозможно было использовать социальные сети для предложения поправок к Конституции РФ, в субъектах Российской Федерации при обсуждении Закона РФ о поправке не были доступны для научной и юридической общестственности цифровые и информационные средства для формирования собственных предложений. Для будущего цифрового конституционализма необходимо работать над созданием новых цифровых и информационных каналов и форм реализации права на конституционную модернизацию¹⁰.

⁹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 14.08.2020).

¹⁰ См.: Кравец И. А. Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 5.

Фактор глобализации «сработал» скорее в негативном, чем в позитивном ключе. В текст Конституции РФ 1993 г. благодаря конституционной реформе 2020 г. были внесены нормы, которые отражают тенденцию к *защитной конституционной модернизации*, противодействуют в ограниченном масштабе принципу верховенства международного права, создают условия для новых форм диалога между европейской конвенционной и российской конституционной идентичностью. Между тем каких-либо новых конституционных форм имплементации международных договоров, конституционализации европейских и международных отношений, интернационализации Конституции РФ для целей содействия интеграционным процессам в сферах и границах национальных интересов Российской Федерации не появилось в ходе реализации конституционной реформы.

Фактор демократического участия стал важным стимулом для применения новых конституционных технологий, формально не предусмотренных Конституцией РФ 1993 г. и конституционным законодательством. Соединение форм демократического участия и цифровизации конституционализма потенциально направлено на создание эффективных и пока еще недостаточно проработанных форм и способов конституционной коммуникации в цифровой среде. В частности, Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г. предусмотрел общероссийское голосование по поправке (поправкам) после одобрения Закона законодательными органами субъектов Российской Федерации. Именно такое голосование не было предусмотрено Конституцией РФ и законодательством и открыло двери «конституционному популизму» учредительно-совещательного характера. Вместе с тем предложенная форма конституционного популизма не была ориентирована на использование цифровых и информационных технологий в полной мере. Конституционный мобильный избиратель пока скорее пожелание, чем реальность. Особенно это ясно ощущалось в ходе «прокрутки» на каналах ТВ заготовленных роликов в поддержку предложенных поправок; реального обсуждения с участием общественности и использования информационных технологий на ТВ не происходило, что подрывает информационную легитимность поправок с позиций дискуссии позитивных и негативных последствий и юридического прогнозирования их «работы» в конституционно-правовом поле.

Фактор авторитарного противодействия оказался сам на стыке колоссальной исторической традиции и попыток заручиться неким личным согласием и формализованной просьбой «остаться во власти». По мнению исследователей, конституционная реформа приводит к появлению в Российской

Федерации «коронованной демократии»¹¹ или «конституционной диктатуры»¹². На наш взгляд, режим президентского конституционализма¹³ после принятых в 2020 г. поправок к Конституции РФ стал эволюционировать в сторону пожизненного президентского правления; однако вопрос о конституционных процедурах определения преемника на посту главы государства не решен ни в духе принципов конституционной демократии, ни в духе советской политической традиции преемственности поста Генерального секретаря ЦК КПСС, ни в духе более поздней российской действительности, когда действующий Президент РФ указывал на преемника, который становился «политическим и административным фаворитом» на конституционно-избирательном поле. Президентский конституционализм стал приобретать формы цифрового участия, широкого социального одобрения через процедуру общероссийского голосования, символическую роль «долгого» главы государства в условиях консолидации политической элиты и конституционных органов государственной власти для целей политического господства. В Российской Федерации президентский конституционализм символизирует устойчивую государственно-правовую традицию персонализации власти в новых президентско-монархических одеждах, а также гипертрофированную роль участия главы государства в развитии и реформировании правовой системы в целом; в формировании целей и задач конституционного развития и конституционной модернизации страны¹⁴.

Таким образом, переходя в цифровую эпоху, российский конституционализм оказывается на перекрестке четырех факторов влияния внешнего и внутреннего характера, которые не могут не «работать» и на перспективу развития и использования цифрового конституционализма и цифровых конституционных прав и свобод.

В международном плане можно отметить, что современный конституционализм испытывает

¹¹ Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // *Общественные науки и современность*. 2020. № 1. С. 39–60.

¹² Медушевский А. Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 3 (136). С. 33–50.

¹³ См.: Кравец И. А. Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // *NB: Вопросы права и политики*. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_12780.html

¹⁴ См.: Кравец И. А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // *Право и политика*. 2019. № 10. С. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293

трудности глобального роста и находится под влиянием сочетающихся, но разновекторных тенденций: 1) *конституционной глобализации*, которая усиливает влияние конституционных принципов и институтов на национальное конституционное право, на международный правопорядок, на разработку стратегии развития международного публичного права и глобального управления; 2) *конституционной автономизации* государств, которая претендует на нормативное и институциональное поддержание и культивирование исключительности, самобытности в конституционной сфере.

Обе тенденции не являются автономными и независимыми друг от друга; они взаимодействуют, в результате чего появляется феномен «*конституционного глокализма*», который вмещает и локализацию конституционного глобализма, и некоторую глобализацию отдельных национальных конституционных принципов и институтов, их транспонирование от национального и государственного уровня на наднациональный и международный уровни. Отмеченные тенденции влияют и на конституционную идентичность, и определяют в значительной степени параметры цифрового конституционализма. Если одни исследователи говорят о появлении моделей конституционной идентичности в различных государствах под влиянием процессов глобализации¹⁵; то другие выявляют определенное соперничество и взаимное влияние таких явлений, как глобализм и локализм на идентичность; констатируют эффект «локализации глобализации» / “local globe”; или «глокализации»¹⁶. Во всяком случае стоит прислушаться к мнению тех, кто отмечает определенный процесс конвергенции моделей конституционной идентичности: наличие «систематических закономерностей глобальной конституционной идентичности», которые не исключают, а наоборот, соединяют разнонаправленные процессы: конвергенцию, дивергенцию, или поляризацию конституционно наблюдаемых моделей, которые «могут становиться все более схожими или разнородными»¹⁷.

Следовательно, формирование концепта, а также теории цифрового конституционализма находятся под воздействием процессов *конституционной глобализации* (и в частности, попыток создать конституцию Интернета) и процессов *конституционной автономизации*, которые связаны с сохранением и обеспечением государственного

суверенитета в цифровой и информационной среде, ограничением использования цифровых технологий для целей конституционных коммуникаций.

Исследователи обращают внимание на проблемы современного конституционализма в контексте осмысления таких тенденций, как глобализация, приватизация, мировые сети (digitalization, privatization, and global networks)¹⁸. Конституционализм активно вторгается в новые сферы регулирования общественной и государственной жизни, в новые территориальные пространства, которые ранее не были предметом для осмысления конституционной теории. Этот вектор проникновения конституционализма в новые области регулирования и концептуального осмысления получил название процесс конституционализации правового пространства, права и политики как на внутрисубъективном уровне, так и за его пределами с выходом на наднациональный и глобальный уровень. *Конституционализируется цифровое и информационное пространство, на которое распространяются некоторые конституционные принципы и конституционные права, с одной стороны; происходит цифровизация конституционной коммуникации и конституционных прав и свобод, их техническое оснащение посредством цифровых технологий, с другой стороны*. Цифровое и информационное пространство значительно расширяют традиционные представления о конституционализме; можно предположить, что постепенно в понимании *конституционализма как мегапарадигмы* включается и *цифровой конституционализм*. Цифровой конституционализм — это не простое соединение двух понятий «конституционализм» и «цифра», а точнее «цифровое пространство»; скорее в данном концепте заключено представление о новом качестве конституционной цифровой и информационной среды, которая используется как для решения традиционных для конституционализма вопросов и проблем, так и принципиально новых, характерных для информационного общества и цифрового правового пространства.

В дискуссиях о расширении (или развитии) предмета конституционного права имплицитно присутствуют представления о границах и областях регулирования конституционализма. Конституционализм и конституционализация права и правовой системы через конституционное правосудие — важные реальные факторы превращения государственного права в право конституционное¹⁹. Ученые-конституционалисты, говоря

¹⁵ См.: Bui Son N. Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.

¹⁶ O’Riordan T. (ed.) Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.

¹⁷ Law D.S., Versteeg M. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.

¹⁸ См.: Schwöbel Ch. E.J. Situating the debate on global constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.

¹⁹ См.: Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 25.

о естественной динамике предмета конституционного права, долгое время не видели потребность расширения конституционного лексикона через обращение к цифровым формам конституционного права и конституционализма. Одни отмечали мнимое расширение «по горизонтали» предмета конституционного права и сомневались (для чего есть свои основания) в обоснованности введения новых терминов («электронная демократия», в частности)²⁰. Другие видели насущную потребность применять конституционное измерение для информационно-цифрового пространства, что подвигает нас к пониманию предметной сферы цифрового конституционализма²¹.

Конституционализм как сфера правового регулирования тесно связан с предметом конституционного права, однако не равнозначен ему как по объему правового регулирования, так и по значимости и целям. Обсуждая границы цифрового конституционализма, следует напомнить о тех пределах современного конституционализма, который стал преобладать в контексте развития конституционных демократий и в перспективе сотрудничества (а порой и противостояния) западных и не-западных форм конституционализма. Конституционализм уже не рассматривается только как ограниченное государственное правление; функция ограничения государственной власти – важная, но далеко не единственная, даже не наиболее важная среди других целей конституционализма для цифрового и информационного пространства.

Развитие информационного общества неразрывно связано с использованием сети Интернет, в которой могут пропагандироваться различные виды правовых, политических и культурных ценностей. Исследователи отмечают, что либеральная платформа Интернет может служить развитию и распространению нелиберальной электронной демократии; нелиберальные электронные процедуры совещательного и пропагандистского характера активно используются авторитарными режимами; *закрытые и открытые анонратии* поддерживаются в том числе и электоральным авторитаризмом. Как утверждает К. Фрост, демократия опирается на авторитет коллективного голоса, воспринимаемого как конституирующая власть (или *vox populi*), но новые технологии, имитирующие участие человека, могут отвлекать общественные дебаты, создавая угрозу аутентичности и ответственности.

²⁰ См.: Комарова В. В. Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 14, 20.

²¹ См.: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

Коллективный голос подвержен манипулированию; возникает дилемма: стоит ли его чрезмерно ограничивать или усекать? Такой подход может игнорировать силу коллективного голоса («народного чревоушения»), открывающую для политики новые голоса, и сводить к минимуму ответственность слушателей. Таким образом, усилия по устранению этой практики не могут следовать модели, основанной на простом замалчивании, без приоритета умиротворения перед преобразованием²².

Помимо этого террористические и экстремистские движения давно используют технологии массовых коммуникаций для достижения своих политических целей. Появление Интернета открыло для них новые возможности. В ответ государственные контрмеры направлены на сдерживание воздействия крайних идеологий с помощью ряда тактик. Исследователи отмечают позитивные и негативные меры противодействия террористическим и экстремистским движениям в электронной (цифровой) среде. «Позитивные» меры относятся к тем онлайн-инициативам, которые стремятся оказать влияние посредством цифрового взаимодействия и обучения, а также предоставления контрнарративов. «Негативные» меры описывают те подходы, которые пропагандируют или приводят к удалению или ограничению онлайн-контента насильственного экстремизма и / или к юридическим санкциям в отношении его онлайн-поставщиков или пользователей²³.

Цифровой конституционализм не может игнорировать угрозы безопасности граждан и государства, связанные с использованием цифровых технологий для распространения террористических и экстремистских взглядов. В такой же степени конституционализм в цифровом формате стремится отстаивать формы самовыражения граждан и их объединений, свободу пользования Интернетом в разумных целях.

Методология и предполагаемая территория цифрового конституционализма

Методология – важная научная и познавательная предпосылка для понимания природы цифрового конституционализма. Является ли понятие «цифровой конституционализм» дескриптивным или прескриптивным? Содержит ли определение «цифровой конституционализм» описательные элементы, признаки, характеризующие основные содержательные компоненты понятия? Возможно ли рассматривать этот концепт в качестве

²² См.: Frost C. The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // Journal of Political Power. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831

²³ См.: Walker C. & Conway M. Online terrorism and online laws // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078

нормативного и программного понятия? *Дилемма цифрового конституционализма* заключается в том, что цифровые технологии уже существуют и работают в конституционно-правовом пространстве; перечень форм и средств цифровизации конституционализма и конституционно-правовых институтов постоянно расширяется. И мы вынуждены осмысливать и интегрировать наши знания о новых сферах цифровизации и конституционализации права и правовой системы. Это, с одной стороны. С другой – государства и их органы обладают невиданной прежде монополией на внедрение и использование цифровых и информационных технологий в различных сферах государственной и общественной деятельности, поэтому такие понятия, как «цифровой конституционализм», не могут обойтись без нормативного и программного содержания. Без нормативности и программного характера цифрового конституционализма граждане и общество могут быть полностью поглощены цифровыми формами реализации государственной и шире публичной власти и поставлены под государственный контроль. Следовательно, *нормативность и программный характер* конституционализма должны быть обращены и к цифровой среде, и к цифровым технологиям, сохраняя и поддерживая ценности, разделяемые в обществе и в государстве как с позиций демократического правления, так и для целей реализации господства права и эффективного государственного управления. *Прескрипция* содержится в нормативных структурах *цифрового конституционализма*, хотя такие структуры только формируются, они потенциально содержат и цели развития цифрового конституционализма, и средства защиты от электронного тотального контроля в цифровую и информационную эпоху. Доктрина цифрового конституционализма предполагает нормативные требования для организации и функционирования государства и его органов в конституционно-правовой сфере, к формам и способам реализации основных прав и свобод в цифровой среде, к юридическим процедурам конституционного волеобразования и волеизъявления с использованием цифровых технологий и информационного пространства и многим другим вопросам.

Что такое территория цифрового конституционализма? На этот вопрос нет однозначного ответа, т.к. научное сообщество находится в постоянном поиске такой территории; она только определяется, но, очевидно, она не может быть ограничена только одной юрисдикцией. Следует учитывать, что будущее цифрового конституционализма имеет глобальную перспективу, его использование на наднациональном, международном и в конечном итоге на глобальном уровне будет связано с созданием универсальных и региональных международных и наднациональных

актов, регулирующих цифровые права в публичной сфере и предоставляющие правомочия человеку (гражданину) на участие в публичном управлении на различных территориальных уровнях. Такая перспектива не является ближайшей; поэтому большее внимание следует уделять развитию форм цифрового конституционализма на отечественном (внутригосударственном) уровне.

Цифровизация конституционализма и конституционного права вводит в дискуссию еще один методологический вопрос. Повышается востребованность и расширяется сфера использования цифровых конституционных коммуникаций. Следовательно, методология цифрового конституционализма находится в поисках новых цифровых форм конституционной коммуникации на различных территориальных уровнях: 1) на внутригосударственном уровне, который включает а) общенациональный (общероссийский) уровень; б) региональный или субфедеральный уровень; в) муниципальный уровень (и уровень отдельных административно-территориальных единиц); 2) на наднациональном или интеграционном уровне (на уровне межгосударственных объединений, региональных международных организаций); 3) на международном уровне (в процессе интернационализации конституционного права и конституционализации международного публичного права).

Концепт «цифровой конституционализм» и его перспективы

Современный конституционализм ставит проблему *цифрового солидаризма*. Формы личного и публичного согласия существуют в конституционных системах для различных целей: 1) они могут использоваться для социального признания существующих конституционно-правовых институтов; 2) или служить целям мониторинга и повышения легитимности «работы» конституционных норм, институтов и конкретных органов публичной власти; 3) или формировать институты делиберативной демократии, в т.ч. и через институты общественного контроля. Формы выражения и способы оформления согласия могут иметь конституционное или законодательное регулирование и обеспечивать работы конституционных органов государства, содействовать выполнению их государственных функций, выступать индикаторами степени удовлетворенности населения, граждан получаемыми государственными и муниципальными услугами.

В информационном цифровом пространстве продолжает существовать проблема формирования и поддержания *публичного солидаризма* или, говоря на языке конституционализма, *конституционной солидарности*, которая не может быть ограничена только юрисдикцией отдельно взятого государства.

В теории английской школы предполагаемый переход от международного сообщества государств к мировому сообществу индивидов обычно ассоциируется с распространением мягкой формы космополитизма и нормативной программы солидаризма. Следовательно, представление о том, что мировое общество может позволить альтернативные выражения транснациональной политики, независимые от международного сообщества, остаются недостаточно развитым²⁴.

В России научная юриспруденция пока не ставит вопрос о способах и формах достижения конституционной солидарности с использованием цифровых и информационных технологий. Формирование доктрины электронного государства и реализация практики электронного правительства, в т.ч. через портал государственных услуг, создаёт предпосылки для обсуждения вопросов взаимодействия конституционализма и цифрового пространства (в т.ч. и для целей *формирования конституционной солидарности*). Цифровизация общественных отношений — явление неизбежное в информационном обществе. Однако означает ли процесс цифровизации права и правовых отношений в различных сферах государственной и общественной деятельности, что «гражданское общество становится электронным обществом, а его члены — электронным населением; органы государственной власти и органы местного самоуправления — электронным правительством и электронными муниципалитетами»? По мнению одних исследователей, — да²⁵; по мнению других, цифровизация заставляет право и конституционализм вырабатывать новые гарантии, процедуры и средства защиты правовых и конституционных ценностей индивидов, общества и государства.

В настоящее время исследования конституционализма уже не ограничиваются традиционной сферой; предметная область регулирования постепенно расширяется и области, в которые ранее конституционализм проникал осторожно, если не робко, оглядываясь на доктрину минимального государства, становятся предметом научных дискуссий и государственно-правовых (в т.ч. юридических) практик. Следует признать, что современное понимание конституционализма предполагает существование двух дилемм. *Первая дилемма* — это дилемма о цифровом и информационном пространстве, которое

воздействует на доктрину и практику конституционализма, на формирование внутригосударственных и международных моделей и стандартов конституционализма. *Вторая дилемма* — это дилемма о конституции как юридической основе внутригосударственного (национального) конституционализма. Необходимо ли расширять перечень и гарантии реализации конституционных прав и свобод в цифровую эпоху? Нуждается ли правовая система государства в новых цифровых и информационных гарантиях реализации конституционных прав и свобод? При создании конституции Интернета или цифровой конституции в какой степени национальная публичная власть должна определять стандарты и правила пользования интернет-ресурсами? Должны ли быть универсальные международные правовые акты в области глобального цифрового пространства и глобального конституционализма? Нередко авторы отмечают проблему сохранения самой конституции в условиях усиливающейся глобализации²⁶. Представляется важным констатировать роль конституционализма и конституционной теории в развитии не только глобального правового пространства, но и цифрового правового пространства. Доктрина конституции и конституционализма при определенном пересмотре может быть продуктивно использована и для создания цифрового конституционного права и для цифрового конституционализма. Цифровое и информационное пространство охватывает многие сферы публичной и частной деятельности. Цифра и конституция — на первый взгляд плохо сочетаемые явления: цифра максимизирует виртуальность любого пространства, в т.ч. политического, финансового, правового, а конституция в значительной степени является нормативной системой, которая создает правила и стандарты для различных областей государственной и общественной жизнедеятельности, личности и общества.

«Цифровой конституционализм» — это привлекательная концепция, объясняющая недавнее появление конституционного противодействия вызовам, связанным с цифровыми технологиями. Цифровой конституционализм затрагивает вопросы гарантирования цифровой конфиденциальности и цифровых прав, реализуемых в публично-правовом и информационном пространстве. Постепенно формируется представление о сфере целевого предназначения цифрового конституционализма в условиях обсуждения потребностей создания и применения цифровых форм и способов конституционного волеобразования и конституционного волеизъявления при реализации основных прав

²⁴ См.: Lemke T., Habegger M.W. A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // International Relations. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>

²⁵ См.: Головин Е.Г., Большакова В.М. Электронная идентификация личности гражданина: за и против // Власть. 2014. № 8. С. 36.

²⁶ См.: Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное развитие: к вопросу о пределах в контексте доктрин «ликвидации конституции» и глобального конституционализма // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). С. 75–79.

и свобод, развития и совершенствования правопорядка в стране, в т.ч. обсуждения и принятия поправок к Конституции РФ или разработки и принятия новой Конституции (в свете общенародного голосования в отношении Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г.).

Развитие информационного общества и реализация доктрины электронного государства охватывает различные сегменты правовой системы страны и отрасли национального права. Формируется государственная политика обеспечения и реализации прав и свобод в информационном пространстве и в цифровой среде. Происходит научное осмысление границ правового регулирования информационного пространства и предметной области правовой цифровой среды. Конституционное право, доктрина конституционализма и прав человека активно вовлекаются в обсуждение таких явлений, как цифровые права, «суверенный интернет», реализация отдельных конституционных прав (избирательных прав, право на участие в иных голосованиях, обращений граждан), посредством использования портала государственных услуг, информационного пространства для выявления мнений граждан, оценки удовлетворенности качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг, которые влияют на эффективность и легитимность деятельности органов публичной власти. Российская юриспруденция осваивает международный опыт и предлагает свое видение (в концептуальном и нормативном ключе) таких правовых образований, как цифровое право, цифровые права. Вместе с тем существует «эффект консервативности» юридической и конституционной терминологии. В новых условиях многие отрасли права, в их числе, конечно, и конституционное право (ведущая отрасль или даже метаотрасль, по мнению ученых), по справедливому замечанию С.А. Авакьяна, «зачастую не спешат менять своей терминологии, понятийного аппарата, основных концепций»²⁷.

Отечественная конституционная юриспруденция стоит на пороге разработки правовых основ цифрового и информационного конституционализма, цифровых конституционных прав и свобод. В исследованиях отмечаются опасности цифрового развития права, среди которых появление «скрытого цифрового наблюдения» и, как следствие, «ненадлежащее обеспечение конфиденциальности», невысокий уровень электронной грамотности российских граждан и ряд других²⁸. Осмыслиется процесс конституционализации информационного и цифрового пространства,

²⁷ Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23, 24.

²⁸ См.: Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 41–45.

его практико-прикладные проблемы с позиций влияния решений Конституционного Суда РФ. По мнению Н.С. Бондаря, к острым вопросам текущей повестки дня относятся цифровая идентификация личности, формирование информационно-цифрового статуса человека и гражданина, конституционная обоснованность «права на забвение как института гарантирования тайны частной жизни и личной свободы» в условиях информационной среды²⁹.

В дискуссиях обсуждается проблема формирования в планетарном масштабе конституции Интернета как ведущего направления информационной коммуникации в глобальной перспективе³⁰. Подобная конституция выступает в виде свода принципов интернет-сообщества с закреплением прав и обязанностей его участников. В дискуссии вовлекаются важные вопросы соотношения национального регулирования отдельными государствами подобных правил, соблюдение границ электронного суверенитета (или «информационного суверенитета»), возможности введения суверенного интернета и перспективы международно-правового регулирования планетарной коммуникации в рамках интернет-пространства. Однако без концептуального понимания, что такое цифровой конституционализм, какие его модификации формируются в национальных юрисдикциях, сложно представить себе, каким должен быть цифровой планетарный конституционализм, нормативным ядром которого, очевидно, претендует стать конституция Интернета. Другие исследователи заявляют требования о необходимости принятия цифровой конституции и о появлении особой разновидности прав – цифровых конституционных прав в современных реалиях информационного развития государства и общества в контексте планетарных перспектив изменений в конституционно-правовой сфере. По мнению исследователей, цифровая конституция способна дать «основу согласия, творческий импульс и эффективные механизмы для становления нового социального порядка» в киберпространстве³¹. Такие понятия, как «конституция Интернета», «цифровая конституция», несомненно, связаны с формированием представлений не только о правилах глобальной коммуникационной среды, но и о содержании и смысле глобального конституционализма. На наш взгляд, информационный и цифровой

²⁹ См.: Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. С. 25–42.

³⁰ См.: Медушевский А.Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.

³¹ См.: Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076–1077.

конституционализм в контексте развития правовых, информационных и организационных основ в границах национальной юрисдикции подготавливает почву для формирования информационных и цифровых гарантий глобального конституционализма, хотя и существует скептицизм об успешной возможности такого проекта.

С точки зрения некоторых исследователей, «цифровой конституционализм» — это привлекательная концепция, объясняющая недавнее появление конституционного противодействия вызовам, связанным с цифровыми технологиями³². Цифровой конституционализм затрагивает вопросы гарантирования цифровой конфиденциальности и цифровых прав, реализуемых в публично-правовом и информационном пространстве. Право на цифровую конфиденциальность оказалось в значительной степени под угрозой с позиций либерального конституционализма; оказалось, что оно не гарантируется. Раскрытие Э. Сноуденом возможности доступа к конфиденциальной информации привели к всплеску законодательной активности отдельных стран, в которых предложено и принято новое законодательство. Не только отдельные государства, но и международные организации проявляют интерес к созданию гарантий информационной безопасности и защите персональных данных в цифровой среде³³.

Конституционные общественные инициативы и цифровые конституционные права

Информационное общество оказывает воздействие на сферу регламентации и последующей реализации институтов конституционного права, основных прав и свобод личности с использованием цифровых технологий и портала государственных услуг (в частности, в 2018 г. технологии «мобильный избиратель» и др.). В научном плане «работа» конституционно-правовых институтов в информационном обществе подводит нас к мысли о необходимости создания *информационных и цифровых гарантий российского конституционализма*, о перспективах правового регулирования и возможной *кодификации* информационных и цифровых гарантий нормирования и реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Цифровой конституционализм меняет представление о формах выражения конституционных общественных инициатив и вследствие этого появляются цифровые конституционные права. С позиций современной теории конституционной демократии

можно говорить о существовании двух форм (видов) конституционных общественных инициатив. *Первое. Это делиберативные конституционные общественные инициативы*, которые выполняют совещательную функцию и приводят к принятию решений с совещательным значением. Данная форма конституционных общественных инициатив основана на доктринальных положениях делиберативной модели демократии³⁴. *Второе. Это императивные конституционные общественные инициативы*, которые применяются в обязательном порядке и приводят к принятию обязательных решений конституционного характера. Цифровой конституционализм в границах Российской Федерации может осуществляться с применением обоих форм (видов) конституционных общественных инициатив.

Конституция РФ 1993 г. даже с учетом поправок 2020 г. мало приспособлена для регулирования различных форм конституционных общественных инициатив. Развитие Конституции РФ может иметь вектор внедрения в конституционную ткань юриспруденции как *делиберативных*, так и *императивных* форм конституционных общественных инициатив. На федеральном уровне применительно к вопросам совершенствования Конституции РФ и федерального законодательства в отношении всего федеративного государства могут использоваться с определенной градацией *делиберативная форма конституционных общественных инициатив* (например, для инициативы и обсуждения желательности поправок к Конституции РФ, а также в отношении проектов или изменений федеральных конституционных законов) и *императивная форма конституционных общественных инициатив* (обращения граждан, их объединений к органам государственной власти, обладающих учредительными полномочиями, с инициативой о необходимости изменения Конституции РФ и федеральных конституционных законов, затрагивающих права и свободы, обязанности человека и гражданина или устанавливающие ограничения на федеральном уровне).

На региональном уровне (применительно к территории субъектов Российской Федерации) также могут использоваться обе формы конституционных общественных инициатив, гарантии которых лучше предусмотреть в федеральном конституционном законе об учредительной власти в Российской Федерации и формах ее реализации. *Делиберативная форма* конституционных общественных инициатив в региональном аспекте тяготеет для целей выявления мнения населения, а также для инициативы и обсуждения проектов конституций (уставов) субъектов Федерации, желательности изменений

³² См.: Celeste E. Digital constitutionalism: a new systematic theorization // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604

³³ См.: Талалина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.

³⁴ См.: Беляев М.А. Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95.

и дополнений к ним, когда они затрагивают базовые элементы конституционно-правового статуса субъектов Федерации. *Императивная форма* конституционных общественных инициатив для субъектов Российской Федерации может использоваться для обращений граждан, их объединений к региональным органам государственной власти с инициативой о необходимости изменений конституций (уставов) субъектов Федерации, а также базовых законов субъектов Федерации, затрагивающих или вводящих (отменяющих) региональные гарантии прав и свобод личности. Региональный аспект использования делиберативных и императивных форм конституционных общественных инициатив требует учета многих факторов: исторических и местных традиций, культуры, территориальных особенностей того или иного субъекта Российской Федерации. Гарантии реализации таких форм конституционных общественных инициатив потребуют правового регулирования на федеральном уровне в комплексе правовых актов (в т.ч. в Федеральном законе от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Однако ключевую и лидирующую роль может сыграть новый федеральный конституционный закон об учредительной власти в Российской Федерации.

Муниципальный уровень организации публичной власти и деятельности граждан не стоит исключать из сферы реализации конституционных общественных инициатив. Федеральный закон от 6 октября 2003 № 131-ФЗ (в ред. от 20.07.2020 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит формы прямой, представительной и совещательной демократии, в т.ч. и для целей совершенствования статуса или преобразований муниципального образования. Среди них: местный референдум, муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; публичные слушания, общественные обсуждения; правотворческая инициатива граждан.

Формы делиберативной и императивной конституционной общественной инициативы могут быть применимы и для муниципальных образований с особенностями и в определенных пропорциях. Особенно важно их использование для обсуждения проектов уставов муниципальных образований. *Делиберативная форма* конституционных общественных инициатив на муниципальном уровне может быть использована для целей выявления мнения населения, а также для инициативы и обсуждения проектов уставов муниципальных образований, желательности

изменений и дополнений к ним, когда они затрагивают основные элементы правового статуса муниципального образования. *Императивная форма* конституционных общественных инициатив в муниципальных образованиях может использоваться для обращений граждан, их объединений к органам местного самоуправления с инициативой о необходимости изменений уставов муниципальных образований, а также важнейших муниципальных правовых актов, затрагивающих права и свободы личности в муниципальном территориальном аспекте (муниципальные права и свободы). Важно, чтобы на всех территориальных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) гарантировались конституционным законодательством *цифровые (электронные) формы реализации делиберативных и императивных конституционных общественных инициатив.*

* * *

Цифровой конституционализм — это перспективная и развивающаяся, устремленная в будущее форма не только национального, но и глобального конституционализма. Эта доктрина содействует выработке новых научных представлений о цифровых правовых явлениях, о цифровой конституции, о цифровых основных правах и свободах, о цифровых гарантиях реализации конституционных прав и свобод, о цифровых формах конституционного волеобозначения и конституционного волеизъявления. В исследованиях закономерно ставится вопрос о сущности и природе, даже единстве цифровых прав и обязанностей человека³⁵. Под влиянием информационных и цифровых технологий расширяется предметное поле конституционного права³⁶.

Цифровой конституционализм нуждается в дальнейшем научном осмыслении, но уже сейчас ясно, какие угрозы, с одной стороны, и возможности, с другой, он предоставляет гражданам и государствам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23, 24.
2. *Алешкова И.А., Молокаева О.Х.* Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 41–45.

³⁵ См.: *Невинский В.В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

³⁶ См., напр.: *Масловская Т.С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.

3. *Беляев М. А.* Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95.
4. *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2
5. *Бондарь Н. С.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 25.
6. *Василевич Г. А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32.
7. *Комарова В. В.* Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 14, 20.
8. *Головин Е. Г., Большакова В. М.* Электронная идентификация личности гражданина: за и против // Власть. 2014. № 8. С. 36.
9. *Конева А. В.* «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 58.
10. *Кравец И. А.* Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293
11. *Кравец И. А.* Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.
12. *Кравец И. А.* Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сб. докладов. М., 2019. С. 107–111.
13. *Кравец И. А.* Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 5.
14. *Кравец И. А.* Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_12780.html
15. *Масловская Т. С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.
16. *Медушевский А.* Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 33–50.
17. *Медушевский А. Н.* Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.
18. *Медушевский А. Н.* Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.
19. *Невинский В. В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.
20. *Саурин А. А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
21. *Талапина Э. В.* Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.
22. *Умнова (Конюхова) И. А.* Конституционное развитие: к вопросу о пределах в контексте доктрин «ликвидации конституции» и глобального конституционализма // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). С. 75–79.
23. *Шахрай С. М.* Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076–1077.
24. *Bui Son N.* Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.
25. *Celeste E.* Digital constitutionalism: a new systematic theorization // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604
26. *Frost C.* The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // Journal of Political Power. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831
27. *Law D. S., Versteeg M.* The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.
28. *Lemke T., Habegger M. W.* A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // International Relations. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>
29. *Merhof K.* Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International

- Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>
30. *O’Riordan T. (ed.)* Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.
 31. *Schwöbel Ch. E.J.* Situating the debate on global constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.
 32. *Sullivan C.* Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011. P. 5, 6.
 33. *Walker C. & Conway M.* Online terrorism and online laws // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078
- ### REFERENCES
1. *Avakyan S.A.* Information space of knowledge, digital world and Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 7. P. 23, 24 (in Russ.).
 2. *Aleshkova I.A., Molokaeva O. Kh.* The dangers of digital development of law: obvious, hidden, imaginary // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 41–45 (in Russ.).
 3. *Belyaev M.A.* The deliberative model of democracy: basic principles and problems of implementation // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 79–95 (in Russ.).
 4. *Bondar N.S.* Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2019. No. 11. P. 25–42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2 (in Russ.).
 5. *Bondar N.S.* The subject of constitutional law in the context of the practice of constitutional justice: stability and dynamism // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10 (95). P. 25 (in Russ.).
 6. *Vasilevich G.A.* Digitalization of law as a means of increasing its effectiveness // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 32 (in Russ.).
 7. *Komarova V.V.* Real and imaginary expansion of the subject of Constitutional Law // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10 (95). P. 14, 20 (in Russ.).
 8. *Golovin E.G., Bolshakova V.M.* Electronic identification of a citizen’s identity: pros and cons // Power. 2014. No. 8. P. 36 (in Russ.).
 9. *Koneva A.V.* “Digital identity”: processes of identification and representation in network communication // Herald of Pushkin LSU. 2018. No. 1. P. 58 (in Russ.).
 10. *Kravets I.A.* Global and domestic constitutionalism in the conditions of the formation of integration law: constitutional teleology, futurism and the structure of modern constitutions // Law and Politics. 2019. No. 10. P. 12. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293 (in Russ.).
 11. *Kravets I.A.* Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the conditions of the Russian legal space // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 9 (in Russ.).
 12. *Kravets I.A.* Informational, digital constitutionalism and digital constitutional rights: methodological issues of understanding and legal regulation // Institute of Human Rights Commissioners in the system of constitutional guarantees: collection of reports. M., 2019. P. 107–111 (in Russ.).
 13. *Kravets I.A.* Constitutional modernization and conservative protection (Russian constitutionalism and the theory of constituent power) // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 5 (in Russ.).
 14. *Kravets I.A.* Judicial guarantee of the constitution and presidential constitutionalism // NB: Questions of law and politics. 2014. No. 8. P. 1–35. DOI: 10.7256/2305–9699.2014.8.12780. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_12780.html (in Russ.).
 15. *Maslovskaya T.S.* Digital sphere and constitutional law: facets of interaction // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 9. P. 18–22 (in Russ.).
 16. *Medushevsky A.* Russia’s Transition to constitutional dictatorship: Reflections on the significance of the 2020 reform // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 3 (136). P. 33–50 (in Russ.).
 17. *Medushevsky A.N.* Constitutional reform in Russia: content, directions and methods of implementation // Social sciences and modernity. 2020. No. 1. P. 39–60 (in Russ.).
 18. *Medushevsky A.N.* The Constitution of the Internet: idea, projects and prospects // Social Sciences and modernity. 2019. No. 1. P. 71–86 (in Russ.).
 19. *Nevinsky V.V.* “Digital rights” of a person: essence, system, meaning // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 10. P. 26–32 (in Russ.).
 20. *Saurin A.A.* Digitalization as a factor of transformation of law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 26–31 (in Russ.).
 21. *Talapina E.V.* Protection of personal data in the digital age: the Russian law in the European context // Proceedings of the ISL of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 117–150 (in Russ.).
 22. *Umnova (Konyukhova) I.A.* Constitutional development: the question of the limits in the context of the doctrines of the “liquidation of the Constitution” and global constitutionalism // Law and state: theory and practice. 2017. No. 9 (153). P. 75–79 (in Russ.).
 23. *Shakhray S.M.* Digital Constitution. Basic rights and freedoms of the individual in a total information society // Herald of the RAS. 2018. Vol. 88. No. 12. P. 1076–1077 (in Russ.).

24. *Bui Son N.* Globalization of Constitutional Identity // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26 (3). P. 463–533.
25. *Celeste E.* Digital constitutionalism: a new systematic theorization // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604
26. *Frost C.* The power of voice: bots, democracy and the problem of political ventriloquism // *Journal of Political Power*. 2020. Vol. 13 (1). P. 6–21. DOI: 10.1080/2158379X.2019.1701831
27. *Law D.S., Versteeg M.* The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // *California Law Review*. 2011. Vol. 99 (5). P. 1171.
28. *Lemke T., Habegger M.W.* A master institution of world society? Digital communications networks and the changing dynamics of transnational contention // *International Relations*. 2018. Vol. 32 (3). P. 296–320. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117817747666>
29. *Merhof K.* Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13. Issue 3. P. 714. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>
30. *O’Riordan T. (ed.)* Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, 2001. P. XIX.
31. *Schwöbel Ch. E.J.* Situating the debate on global constitutionalism // *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol. 8. Issue 3. P. 615.
32. *Sullivan C.* Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia, 2011. P. 5, 6.
33. *Walker C. & Conway M.* Online terrorism and online laws // *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2015. Vol. 8 (2). P. 156–175. DOI: 10.1080/17467586.2015.1065078

Сведения об авторе

КРАВЕЦ Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета; 630090 Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Authors’ information

KRAVETS Igor A. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of the Novosibirsk National Research State University; 1 Pirogova str., 630090 Novosibirsk region, Novosibirsk, Russia